

Серия «Чеширский кот» премии-медали
им. Льюиса Кэрролла и конвент «РосКон»
представляют автора

Борис
Алексеев

БАТТЛ

(Неистовый парадокс времени)

Чеширский кот

Борис Алексеев

**Баттл (Неистовый
парадокс времени)**

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Алексеев Б. А.

Баттл (Неистовый парадокс времени) / Б. А. Алексеев — «ИП
Березина Г.Н.», 2020 — (Чеширский кот)

ISBN 978-5-907395-06-0

Знакомьтесь: сборник рассказов для юношества «Баттл». Автор – известный московский писатель Борис Алексеев. Книга написана специально для молодёжной аудитории, от четырнадцати лет и старше. Рассказам присуща яркая, динамичная манера изложения. Однако сквозь затейливые повороты сюжетных линий отчётливо проступает главное назначение книги – научить подростка, вступающего на порог взрослой жизни, целенаправленно искать добро и всеми силами сторониться зла. Сборник свёрстан по принципу «от простого к сложному». Автор начинает беседу с читателем рассказом «Люден Евгений», повествующим о победе подростка над злом в самом себе. Завершается книга фантастической повестью «Планета-надежда», в которой человеческая доброта становится уже вселенской категорией.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907395-06-0

© Алексеев Б. А., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Борис Алексеев	6
Предисловие. Непрошенные слёзы	7
Люден Евгений	8
Лёшенька	14
Плаза	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Борис Алексеевич Алексеев
Баттл (Неистовый парадокс времени)

© Б. Алексеев, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Борис Алексеев

Москвич. Профессиональный иконописец и литератор.

Член Московского союза художников.

Награждён двумя орденами Русской православной церкви.

Член Союза писателей России (Московская городская организация).

Лауреат Премии Гиляровского и серебряный лауреат Международной литературной премии «Золотое перо Руси – 2016».

Дипломант литературной премии Союза писателей России «Серебряный крест – 2018», литературного конкурса Союза писателей России «Лучшая книга года» (2016–2018).

Эл. почта: alboros@list.ru

Предисловие. Непрошенные слёзы

«Не скорби, старый, через два года тебе исполнится восемнадцать лет и пойдёшь под списание.

А сейчас гуляй, брат, – твоё время!»

Эту фразу я услышал много лет назад, в годы моей безупречно молодой юности. Теперь же, припоминая те давние благословенные дни, я думаю с тревогой: «Как объяснить молодому собеседнику, что он не недоросль, он – счастливчик! И вообще, что такое юность – биографическая справка или уникальное событие?».

Пора юности – самая особенная часть человеческой жизни. В молодые годы каждому из нас дана исключительная привилегия – быть самим собой. В самом деле! Ещё не обременённые житейскими заботами, мы восхитительно свободны и открыты миру.

А может быть, юность – это время таинственной физиологической метаморфозы, когда дух будущей личности обустраивает себе жилище?..

Что ж, вопрос о назначении отроческих лет в жизни человека не так-то прост. Несомненно одно: юный бунтарь вырастет не для того, чтобы с годами успокоиться, отрастить брюшко и стать добропорядочным игроком в картишки или домино.

Молодость похожа на прорастающее адамово семя, ещё не культивированное цивилизацией Чарльза Дарвина и Фридриха Ницше. Но жизнь – не рай, и мы, поколение взрослых людей (таких умных и проницательных), представляем собой, увы, не райские всходы, а надменный многоголосый «пипл» с испорченной адамовой генетикой. Это нас печалит, заставляет с возрастом всё чаще оглядываться назад, в молодые дни, и повторять с горчинкой в голосе: «Да... было время!».

Книга «Баттл» адресована молодым. В каком-то смысле она – послание из будущего. Почти все её главные герои – молодые ребята, занятые поиском личной правды. Они подобны порогам, разбросанным по руслу горной реки. Их обнимают пенные водовороты житейских обстоятельств, их удаляют строители, прокладывая фарватер для будущего судоходства. В дни паводка их пытается сдвинуть и унести с собой стремительное течение вод. Однако цель гранитных порогов – выстоять и сохранить себя как часть горной стремнины. Далеко не всем такая задача по плечу. Поэтому троекратно восславим устоявших: виват, виват, виват!

Юность – стремительное время. Редкий школяр анализирует происходящие события. Анализ – это сопоставление прошлого, настоящего и будущего. Но у молодости ещё не накопилось знание о прошлом, а в будущее она смотрит слишком мечтательно и беспредметно. По-настоящему молодость интересует (простите за каламбур) лишь настоящее! Оно необходимо ей как воздух. С настоящим связаны все подростковые переживания. Ведь переживания – это эмоциональные «капилляры», по которым юность всасывает информацию об окружающем мире.

И в заключение два слова о том, почему назначение книги определено как «послание из будущего».

Каллиграфируя перед читателем сюжетные линии рассказов, автор ведёт своих литературных собеседников дорогами, когда-то пройденными им самим. Но ведёт не как заносчивый и самонадеянный ровесник, а как проводник, знающий, что ждёт путника на том или ином случайном ответвлении дороги. Это ли не рекомендательное письмо из будущего?

В добрый путь, мой юный читатель!

Люден Евгений

Женя любил подолгу сидеть у окна, наблюдая за перемещением людей, собак, птиц и ливневых ручейков.

– Женечка, ты совсем не гуляешь! – беспокоилась мама, глядя на фигуру сына, застывшую в контражуре яркого солнечного света.

– Ну что ты, мама! – отвечал Женя. – Наблюдать наш двор так интересно. Это же поверхность незнакомой планеты!

Мама не понимала, что Женечка имел в виду, говоря о каких-то межпланетных наблюдениях. На самом же деле в действиях Жени было явно что-то космическое!

Как только происходящее за окном привлекало внимание, юноша напрягал зрение и, как в телескопическую трубу, видел интересующий объект совсем близко. Настолько близко, что ему не составляло труда коснуться его рукой, почувствовать вес, запах, даже температуру поверхности.

Впервые странную способность к преодолению пространства Женя заметил в конце восьмого класса, когда на уроке русского языка и литературы ему удалось исправить ошибку в стопке диктантов, уже собранных и лежащих прямо перед бдительной Верой Павловной. «Повезло!» – подумал тогда Женя. Он долгое время не придавал значения своим особым возможностям, хотя после того случая время от времени позволял себе подобные пространственные опыты, называя их «игрой в расстояния».

Однако к десятому классу, открыв для себя мир фантастической литературы, юноша обратил-таки внимание на свою необыкновенную способность – реально перемещаться в трёхмерном евклидовом пространстве (на «плечах Евклида») в любую точку ближайшего географического окружения. Объяснить подобное явление иначе как фактом телепортации (мистика!) было просто невозможно.

Никому, даже матери, Женя не решался признаться в этом. «Нонсенс! Подумают, что я свихнулся», – рассуждал он, продолжая опыты по перемещению не только на расстояние прямой видимости, но даже сквозь непрозрачные преграды. С течением времени юный «магистр» всё более убеждался в своём радикальном преимуществе перед другими людьми.

Например, ему не составляло труда проникнуть сквозь старую пятиэтажку на соседний двор, где жила симпатичная девушка Наташа, его одноклассница из 10-го «Б».

По этой милой «житейской» причине Женя стал выходить из дома с некоторых пор чуть раньше, чем следовало. Добрая Галина Георгиевна, провожая сына до двери, улыбалась вслед и крестила его дневную дорожку. Порой, всплакнув от нахлынувшего умиления («Ах, как Женечка любит учиться!»), она стояла у приоткрытой двери и зачарованно вслушивалась в скрежетание лифтовых тросов. И лишь когда шаги сына замирали где-то далеко внизу за скрипнувшей парадной дверью, она неторопливо, будто разговаривая сама с собой, принималась за домашние дела.

Однако наш юный герой, выйдя на улицу, в школу явно не торопился. Не желая утруждать себя «бессмысленной ходьбой туда-сюда», он напрягал зрение и вскоре оказывался аккурат во дворе, расположенном за старой пятиэтажкой. Ещё через минуту из подъезда дома № 6 выходила его Наташа. Увидев Женю, она задавала один и тот же вопрос: «Как ты здесь оказался?». Юноша пожимал плечами и в свою очередь спрашивал: «Пошли?». Девушка смеялась в ответ и торжественно вручала своему Ромео портфель с тетрадками. Они вместе шли в школу, поглядывая украдкой друг на друга и болтая о пустяках.

Ежедневно по возвращении из школы Женя старался увеличить расстояние, подвластное его всепроникающему взгляду, и постепенно натренировал зрение на весьма далёкие расстоя-

ния. Он мог видеть происходящее на улице, до которой идти следовало минут пятнадцать по гулким подворотням через целую вереницу смежных дворов.

Как-то раз, проводив Наташу, он возвращался домой. На углу дома № 6 Женя увидел женщину, присевшую с книгой на скамейку возле песочницы. В ногах у неё стояла новенькая хозяйственная сумка, из которой выглядывал складной ноутбук-трансформер последней серии HP. Точно таким Женя любовался в «Техносиле» несколько дней назад. Однако цены на все модели трансформера были запредельными. Теперь же, глядя на эту реально купленную электронную игрушку, он испытал нескрываемый восторг и интеллектуальное вожделение. Женщина, заметив его реакцию, спросила:

– Нравится?

– Очень! – ответил Женя, отводя глаза в сторону. Он стыдился проявленной слабости, но не мог сдерживать эмоций, горюя о несбыточности мечты, с которой связывал своё болезненно-подростковое понимание счастья.

– Можешь посмотреть, – улыбнулась женщина.

Она достала из сумки ноут и протянула его Жене. Вспотевшими от волнения руками он принял заветный металл, открыл экран и стал рассматривать рабочую панель. Пару минут, затаив дыхание, Женя вглядывался в расположение клавиш. Затем мельком посмотрел в сторону лавочки. Женщина углубилась в чтение и, казалось, совершенно забыла о существовании своей потрясающей собственности. И тогда...

Чего только не случается с нами порой! В одних случаях мы говорим: «Господь настаивил», в других – «бес попутал». Увы, Жене достался худший вариант развития событий: миг спустя он оказался с ноутбуком на диване в собственной комнате...

Вглядываясь в сверкающее железо, Евгений мучительно сознавал, что с ним произошла беда. Он совершил кражу, настоящую подлую кражу! Обманул человеческую доброту...

Первым его желанием было тотчас вернуть ноутбук хозяйке. Вернуть и, сгорая от стыда, исчезнуть. Но он медлил с исполнением задуманного. Смотрел то на ноут, то в окно, то снова на вожделенную серебристую панель. В конце концов Женя упал на кровать, зарылся головой в подушку и горько заплакал. Он понял, что не может найти в себе силы вернуть украденную вещь и снять с себя позор совершённого поступка. «Сейчас, ну сейчас!» – упрашивал он самого себя.

Неожиданно в комнату вошла мама.

– Женечка, что с тобой? Ты не разделся и даже не снял ботинки. И, кстати, откуда у тебя эта симпатичная игрушка? – спросила мама, указывая на ноут, лоснящийся в вечерних лучах заходящего солнца.

– Это... – запнулся пристыженный Женя, – это Вовки Корабельникова. Он дал мне вчера на денёк поразбираться. У него что-то «ворд» не открывается.

– А почему я его не видела? – удивилась Галина Георгиевна.

– Ну, мама, что ты меня допрашиваешь? Я убрал его в стол, чтобы от уроков не отвлекал, – Женя катился по цепочке вранья всё дальше и дальше.

– Прости, сынок. Рассеянная я стала. Пойду, не буду тебе мешать, занимайся.

Как только мать вышла из комнаты, Женю затрясло, как на вибростанке. Кража, малодушие, обман... В голове, как перебаты деревенского била, стучали только что сказанные матерью слова. Юноша вдруг почувствовал, что его черепная коробка готова расколоться напополам от визгливой брани его же собственных полушарий.

– Это ты испугалось, ты поступило подло! – упрекало соседа левое, рациональное полушарие.

Вздрагивая от возбуждения, правое полушарие, ответственное за наши чувства, возражало обидчику:

– Нет, ты! Ты первое задумало кражу!..

Оглушённый их взаимной перепалкой, Женя бессознательно включил ноутбук.

– Ух ты! Кр асота какая!..

Интерфейс ноута превосходил все его ожидания. «Я только посмотрю!» – бубнил он, облизывая губы.

Очнулся Женя часа через полтора. Мама накрыла ужин и требовательным голосом звала к столу. За ужином она спросила:

– Ну что, разобрался с «вордом»?

– Разобрался, – машинально ответил сын, ощутив, как по позвоночнику пробежал холодок очередного вранья.

Наскоро поужинав, он уединился в своей комнате. Его ум ликовал от встречи с чудом компьютерной техники, однако всплеск умственного восторга глушил голос раздосадованной совести: «Верни!».

– Хорошо, хорошо, я верну! – прошелестел губами Женя, глядя в черноту окна. – Хотя нет, – он сверкнул глазами, – пусть решит жребий!

«Почему жребий? – забеспокоилась встревоженная совесть. – При чём тут жребий?»

Но руки Евгения уже рыскали по карманам в поиске монеты. Обнаружив десятирублёвый червонец, он торопливо подкинул его и загадал: «Решка – отдам!». Монета звонко ударилась о паркет пола, пару раз подпрыгнула и наконец застыла... орлом вверх. «Орёл!» – закричал Женя и воровато покосился на дверь. Убедившись, что мама не слышала крика, он продолжил бубнить шёпотом: «Орёл! Ор ёл! Он мой! Так решил жребий!..»

Чтобы оправдать дальнейшее присутствие ноутбука, юному врунишке пришлось немало потрудиться.

В конце концов матери надоело задавать вопросы и получать на них бессвязные и противоречивые ответы (врать убедительно Женя, слава богу, не научился). Женщина рассудила: «Что я выпытываю? Сын взрослый, мало ли какие дела могут у него быть. Что, если тут задета чья-то честь или интересы какой-нибудь молодой дамы?.. У Женечки благородная душа – это главное».

Время шло. Мама старалась не задавать лишних вопросов даже тогда, когда видела на сыне красивые дорогие наушники, а в кармане – модный навороченный плеер или необычной формы складной нож с инкрустированной ручкой и причудливо загнутым лезвием. «Ладно, – думала она, – скоро приедет отец, пусть он и разбирается».

С каждой новой «приобретённой» вещцей Женя становился всё более независимым и высокомерным. Он начал дерзить учителям. У него появились деньги. Ему не надо было, как раньше, выпрашивать у матери копейки на «светскую жизнь». Он реально стал крутым фраером!

Однако в один из дней случилось непредвиденное. Блуждая взглядом по району, Женя заметил трёх незнакомых парней. Ребята стояли поодаль от всех, и один из них толкал другим какие-то симпатичные импортные шмотки. Когда же толкач достал из сумки клёпаную джинсовую куртку, Женю прихватило:

– Блин, это ж мой размерчик!

Он привычно напряг зрение и в тот же миг оказался возле ребят.

– Мужики, – обратился он к ним, – можно глянуть френч?

– Ну гляди. Ты крупняк, тебе как раз. Гони сто баксов и забирай!

Женя принял из рук парня куртку, отступил назад и попытался исчезнуть. Но не тут-то было. Что-то разладилось в его обычном механизме перемещения.

– Э-эй, кацап, вертай халяву! – заорал толкач.

Но тут с Женей стало происходить что-то необъяснимое. Он вцепился в джинсовку и, как пёс, стал наматывать круги по двору, вновь и вновь пытаясь осуществить перемещение. Однако мистика на этот раз явно не ладилась. В какой-то момент Жене почудилось, что возжеленная телепортация заработала и он благополучно исчезает. Увы, видение оказалось лишь игрой его вскипевшего воображения.

Парни бросились ловить воришку. Вскоре Женечка уже лежал на асфальте, и три рассерженных глухаря, отобрав френч, били его ногами наотмашь и куда придётся.

Поздним вечером наш незадачливый герой позвонил в дверь собственной квартиры. Его распухшее от ударов лицо и до неприличия разорванная одежда говорили без слов о произошедшей драме.

Открыл дверь вернувшийся из командировки отец. Он молча впустил сына в прихожую и начал было: «Евгений, что всё это значит?..», как тотчас между ним и сыном «материализовалась» испуганная Галина Георгиевна. Зная крутой характер мужа, она обхватила Женю руками, будто крыльями, прижала к себе и, причитая: «Завтра, Семён, завтра, всё завтра!», повела его в ванную, бережно снимая с израненных плеч рваные лоскуты одежды, мокрые от дождя и льющих материнских слёз.

Через полчаса умытый, пропитанный перекисью водорода и зелёной Женья забылся тяжёлым, мучительным сном. Он то и дело просыпался, вернее, открывал сонные глаза и звал какую-то Наташу. Только под утро его дыхание стало спокойным, и горестная мать, перекрестив сына, смогла отойти от его кровати.

Как добрая женщина порадовалась бы, когда б узнала, что её ночное присутствие подарило Жене истинно целебное сновидение. Капли материнских слёз, пролитые над постелью сына, ночь напролёт превращались в мельчайшие флюиды сна. Они проникали в мозг Евгения и там, в зале ночных свиданий с вечностью, собирались в удивительную историю. Вот уж мистика, так мистика!

А снилось Женечке вот что.

Сидит он в своей комнате у окна и просматривает дальние дворы. Вдруг слышит за спиной голос:

– Жень, бросай ты это дело! Нельзя так жить, нехорошо.

Женья оборачивается и видит сидящего в его любимом кресле незнакомого парня.

– Ты кто?!

– Да я так. Короче, такой же, как ты. Могу перемещаться.

– И далеко?

– Не, дальше двора пока сложно. Не то что ваше блуждающее сиятельство!

– Откуда ты знаешь, насколько я?..

– Видел.

– Видел?

– Ну да. Видеть-то я вижу. Вот, к примеру, видел, как ты ноутбук у тётки умыкнул, видел, как у какого-то очкарика спёр плеер с наушниками, а ещё видел...

– Хватит! Ты чё, шпионишь за мной?

– Вовсе не шпионю. Просто учусь перемещаться. Хотя, честно говоря, мне противно наблюдать твои сволочные действия. Ведь ты не только воруешь, ты...

– А ну катись отсюда, святоша! Или вот что. Иди-ка, почитай Стругацких. И узнай, кто такие *людены*. Может, тогда перестанешь высовываться со своими «бла-бла-бла»!

– Да читал я Стругацких. Мне вообще не очень нравится деление людей на умников и дураков. А что касается люденов, то вряд ли ты один из них. Они бы не мелочились, приворачивая гаджеты. Они другие.

От этих слов в сознании Жени вспыхнула, как факел, нестерпимая обида. Он прекрасно понимал всю неприглядность совершаемых им действий. И единственным оправданием происходящего был почерпнутый из литературы тезис Стругацких об исключительности собственного «Я». Исключительности, позволяющей встать над моралью и совестью. «Что позволено Юпитеру, не позволено быку, – так рассуждал Женя, возвращаясь домой с очередным приобретением. – Отец? А что отец? Люден имеет право на всё, что сочтёт для себя нужным».

Но теперь, глядя в глаза парню, Женя испытывал неожиданный внутренний стыд. Он не сумел нагнуть этого выскочку. Скорее, наоборот. Слова о превосходстве, как пули, злобно шипя, вонзились рикошетом в его же грудную клетку. При этом никаким сверхъестественным образом люден Евгений себя не проявил. Напротив, он обмяк, ссутулился и, тяжело дыша, закрыл лицо руками...

Утром, пока отец спал, Галина Георгиевна разбудила сына и, не задавая никаких вопросов, собрала в школу. Жене запомнились её заплаканные багровые глазницы и тихий, срывающийся на фальцет голос. Прощаясь в дверях, он уткнул голову в мамину грудь и прошептал: «Мама, прости меня, я очень виноват перед тобой...».

Мать гладила шевелюру сына и плакала. Женя чувствовал, как слёзы падают ему на вихрастый затылок, и готов был сам зареветь белугой, но сдерживался и продолжал шептать: «Прости, прости, мама...»

Он медленно спускался вниз по гулким лестничным переходам (лифт не работал вторую неделю), прихрамывая и пересчитывая ступени. На четвёртом этаже Женя задержался и машинально посмотрел в широкое витражное окно лестничной клетки. Его взгляд скользнул по дворам, где среди утреннего беспорядка и первых признаков наступающего дня он вдруг увидел свою любимую Наташку в окружении рослых подвыпивших парней. Наташа пыталась пройти, но парни, похохатывая, строили ей омерзительные рожи и хватали за одежду...

Женя мучительно напряг зрение, пытаясь как-то вмешаться в происходящее. Но то, что случилось с ним вчера, вновь повторилось – он потерял способность перемещаться в пространстве. Тогда Женя, испытывая боль в каждом суставном сочленении, бросился по ступеням вниз, выбежал на улицу и, припадая на подбитую ногу, помчался выручать свою любимую Наташку.

Когда он подбежал к её дому, двор, на удивление, был пуст. Ему навстречу открылась заветная дверь. Из подъезда выпорхнула Наташка.

– Привет! Ты что тут делаешь? – улыбнулась девушка.

Не успел Женя ответить, как из ближайшей подворотни показалась ватага рослых ребят. Балагурия и дымя сигаретами, парни направились прямо к Наташиному подъезду.

Юная леди в растерянности остановилась. Женя бросился к подъезду и метров на десять опередил приближающуюся компанию.

– Эй ты, чувак, вали отсюда! – кто-то крикнул из толпы.

«Бежать!» – подумал Женя. Чувство самосохранения по-медвежьи обхватило и затрясло его, понуждая бежать куда глаза глядят, бежать со всех ног, не чуя вины ни перед Наташей, ни перед собственной совестью...

Но в тот же миг он увидел за спинами парней, над их импортными кепками и крашеными шевелюрами заплаканные глаза матери. «Н-нет! – глухо взревел мозг Евгения, сдерживая трепетание сердца. – Хватит уже!»

Парни приблизились.

– Беги, Нашка (он так с нежностью называл Наташу)! – шепнул Женя, отталкивая девушку от себя. – Ну же!

Подъезд имел второй выход на соседний двор, и Женя об этом знал.

Девушка отпрянула назад, ухватила за ручку двери и вдруг остановилась в нерешительности:

– А ты?!

– Беги! – Женя обернулся и попытался улыбнуться: – Ну же!

Наташа очнулась, дёрнула дверь и через долю секунды скрылась в подъезде.

Внезапный акт подросткового мужества, как оружейный хлопок, гулко отозвался в октябрьском утреннем серебре.

Однако, как только Наташа скрылась в подъезде, Женя вновь ослабел духом. Его пронзило воспоминание о вчерашней переделке, и боль нанесённых ударов вспыхнула в теле с новой силой. Он стал оглядываться, ища дорожку к спасению. Но в этот миг совсем рядом порыв ветра окликнул его голосом отца: «Не дрейфь, Женька, *орлись!* Мы с тобой ещё повоюем!».

И... случилось чудо! Юноша перестал бояться. Он припомнил фильм «300 спартанцев», отступил на несколько шагов к двери и загородил собой вход в подъезд. С этого мгновения дверные створки стали его реальными Фермопилами! Парни, по-волчьи скалясь и борзея, бросились на Евгения. Он ощутил проникающую боль первого удара, второго...

– Женечка, что же ты застрял у окна? Опоздаешь в школу! – голос Галины Георгиевны нарушил гулкую тишину лестничного проёма. Женя посмотрел вверх. Действительно, мама стояла на лестничной площадке их родного седьмого этажа и, перегнувшись через перила, наблюдала за действиями сына.

– Мама, – удивился Женя, потирая ушибленную щеку, – значит, Евклид снова активировался?..

– Что ты сказал? – переспросила мама.

– Ну да, он действует! – закричал Женя и, махнув матери рукой, вприпрыжку помчался на улицу.

Юноша бежал вдоль школьной ограды и в мелькании узорчатой решётки видел на ступенях главного корпуса одинокую фигурку Наташи. Девушка беспокойно озиралась по сторонам. Они оба явно опаздывали к первому уроку, который, судя по окружавшему школу безлюдью, вот-вот должен был начаться. Увидев Женю, она бросилась к нему со словами:

– Ты живой?

– Ну да, – ответил он, неловко прикрывая ладонью распухшую щёку.

Не тут-то было. Разглядев боевую отметину, Наташа подтянулась на мысочках и чмокнула героя аккурат в фиолетовый синяк.

Раздался школьный звонок.

– Пойдём скорей! – улыбнулась девушка, подавая Жене руку.

Лёшенька

Лёшенька рос мальчиком скромным. К восьмому классу он не попробовал ни одной сигареты, не выпил ни одной кружечки пива. И девочек у него тоже не было, хотя по натуре Лёша был мальчик влюбчивый и внутренне ласковый. Но каждый раз при приближении какой-нибудь девочки клятая застенчивость, как вихрь, отбрасывала его в сторону и уносила по коридору прочь. Когда же он, преодолев испуг, возвращался, желая взглянуть на девочку ещё раз, её уже рядом не было. Она бежала к другому мальчику, размахивая оранжевым рюкзачком.

В каждой ясельной группе, в каждом классе общеобразовательной школы есть своя элита. Элита образуется из наиболее наглых, как теперь говорят, *отвязанных* детей. Для таковых жизнь – сцена, на которой они играют свой индивидуальный спектакль. А плох спектакль или хорош – какая разница? По совокупности моральных качеств (воля, смелость, решительность, ум, доброта) члены элиты далеко не всегда доминируют в своей среде. Но сплочённость, инстинкт стаи, присущий всем человеческим выродкам, является в детской среде непобедимым козырем, от которого элита выстраивает игру на поражение противника и, как правило, побеждает.

Лёша никогда не входил ни в одну группировку по одной простой причине: он не умел подчиняться. Не потому, что не хотел. Нет – просто, чтобы хорошо подчиняться, надо уметь бежать торопливо в строй, знать наизусть команды и нештатные ситуации. А мечтательный Лёша всё время опаздывал. И оттого идея элитарного послушания не уживалась с трепетной Лёшиной креативностью!

Однажды случилась вот такая история. Элита «шла на вырубку». Для тех, кто не понимает, объясню: элитные пацаны шли бить лохов.

Лёша в это время делал уроки. Как правило, он делал уроки на кухне, потому что из кухонного окна хорошо виден двор, а значит, и все события увлекательной дворовой жизни. Он уже заканчивал математику, как вдруг из-за угла соседней пятиэтажки показалась ватага элитных парней с металлическими прутьями в руках. Лёшу тотчас сдуло с табуретки, и через минуту он уже шагнул рядом с «римской когортой», напоминая приданный к основному строю отряд лучников.

– Те чё надо? – огрызнулся на Лёху Пузырь (так звали толстого белобрысого хама из соседнего класса).

– Я с вами, – ответил Лёша, задышавшись от ощущения важности происходящего.

– Видал, Пузырь, и этот попёрся! – хмыкнул Седой. Мальчик по прозвищу «Седой» учился на год младше и стал школьной знаменитостью после того, как прилюдно нахамил англичанке. Дурёха покраснела как помидор да как откинется в обморок. Народу сбежалось! А Седой исчез, как в воду канул. А чё, молоток: не пойман – значит, не вор.

Тем же вечером Лёша рассказал отцу про геройство Седого. Папа взял Лёшину руку, больно сжал её в своей огромной ладони и сказал:

– Эх, Лёшка, храни тебя Бог от этих молодцов! Мне-то они всю душу истоптали.

Лёша слышал от матери о том, что отец как-то не сдержался и рубанул кайлом одного такого шутника. А тот, чудак, взял и помер. Отца посадили. На зоне мужиков с характером уважают, но не любят. Тяжко отцу пришлось. Один раз в одиночку против камеры стоял. Не сломали, но порезали изрядно.

Лёша тогда не понял слов отца. Подумал, отец на давнюю обиду сердает.

«Эх, батя, глянь в окно, махни рукой сыну-то!» – кипежился Лёшка, шагая с крутыми пацанами, то и дело посматривая по сторонам, видит ли кто из соседей его геройство.

Ватага завернула за гаражи и вышла на пустырь, откуда начиналась промзона.

– Вон они! – крикнул Седой, завидев трёх ребят поодаль.

Злоумышленники рассыпались и окружили жертву.

– Оба-на! Здорово, парни! Какие вы бледненькие! Седой, глянь, мне их жалко. Может, мочить через одного будем? – захохотал Пузырь, жонглируя арматурой.

– Не, Пузырь, им обидно станет, давай всех! – ответил Седой и ткнул одного из ребят прутом в бок.

Пока пираньи смаковали грядущее лакомство, они не заметили, как сами попали в окружение рослых пацанов из монтажной учебки, открывшейся год назад на соседней улице. То, что эти трое – монтажники, Седой знал, но не предполагал наводки. И теперь шнырял глазами и юлил, выжидая момент, чтобы *сделать ноги*. Но монтажники были настроены серьезно. Пришло их не меньше пятнадцати, да и вооружение у них было похитрее «отечественного»: что-то типа самодельных нунчаков из мягкого кабеля с длинным крепёжным винтом на конце и ещё что-то, напоминающее спираль, из тонкой сталистой полосы.

– Какая встреча! – начал было один из них.

– Да чё тут париться, Дрозд, наших обидели! – выскочил вперёд рябой парень и, как фраер, с оттяжкой загасил сигарету в ладонь одного из окаменевших от испуга «элитных» пацанов. Как вы, наверное, догадались, пострадавшая ладонь принадлежала нашему Лёше, который от неожиданности и смущения даже не почувствовал боли.

– Гляди, Дрозд, а ему хоть бы что! Может, он не настоящий? Давай проверим, – с этими словами рябой плюнул Лёшке в лицо и с размаху ударил нунчаками поперёк живота...

– Лёша, Лёша, где тебя носит? – повторяла мама, накрывая стол для ужина.

– Семён, иди есть! – она позвала отца, закончив приготовления.

– Лёшка-то где? – спросил отец.

– А бес его знает! Ты ешь. Придёт сын, куда денется.

Раздался звонок в дверь.

– Ну, вот и он, – выдохнула мать и подумала: «Что это Лёша звонит, ключ же есть?».

Она торопливо подошла к двери и взялась за ручку.

– Ой, что-то неможется мне, неладно, – охнула женщина, оборачиваясь к мужу, – Семён, помоги.

Но отец был уже рядом. Они вдвоём неловко открыли дверь. На пороге стоял Лёшин классный руководитель и, комкая в руках шапку, произнёс:

– Лёшу убили. Пойдёмте...

Плаза

Протектором новенькой глянцевой кроссухи Тим вспорол ледок вмёрзшей в асфальт ноябрьской лужи. С отяжкой, как это делает знатная блоха¹ Мэсси, он раскатал перед собой острые стеклянные брызги и, оглядывая россыпь искрящихся траекторий, сладко поморщился – плаза!

«Плаза»... Эта липковатая говорушка из пяти закорючек с недавних пор стала его любимым словечком. Тим вообще выбирал слова, как говорится, «всерьёз и надолго». Определив в фаворитки какую-нибудь замысловатую трель, он подолгу торчал перед зеркалом и часами балаболит (то есть выговаривал) её на манер душевного кайфа, огребая с этого балабольства полутонный крупняк удовольствия.

Так как речевой запас Тима, как и словарь Элочки-людоедки, не изобиливал семантическими вывертами, «идиомы-фаворитки» редко сменяли друг друга. Оттого весьма краткий, но крепко сбитый голосовой спич юного Тимура был прост, отточен в произношении и предельно ясен по содержанию, даже если одно и то же сочетание звуков выражало в случае необходимости три-четыре абсолютно разных смысловых понятия.

– Плаза! – повторил Тим, приметив на краю лужи идеальное место для следующего шага. – Пла-а...

В этот миг колесо огромной машины накрыло его хрупкую долговязую фигурку и раскатало по асфальту на манер разлетевшихся фрагментов мёрзлого льда.

– А-а-а!... – заорал Тим, пытаясь остановить вращение тела.

Машина умчалась за поворот, так и не заметив истории, в которую вляпалась пару секунд назад. Конечно, её найдут, пробьют по номерному знаку, отпечатавшемуся на сетчатке глаза пострадавшего гражданина. Будет суд и всё такое.

А дальше что? Ну, допустим, Тим поправится, кончится эта грёбаная зима. Перестанут гибнуть люди. Во всём настанут порядок и согласованность. И пусть тебе сейчас плохо. Всё колёса: думай о плазе! Она рядом, она обязательно поможет – не подведёт. Больно? Выбито плечо и немеет рука? Плюй по ветру и не теряй надежды. Сейчас подойдёт какой-нибудь чел, вытащит тебя из лужи, перенесёт в чистое место и...

Прошло минут пять. А может, целые сутки. Знаешь, бывает так: думаешь одно – например, ты в шоколаде. А на самом деле, как говорится, «Аннушка уже разлила масло». Вроде всё чики-чики, и вдруг на тебе – колёса!

...Ну где же они?

Тим почувствовал, как начали холодеть ступни ног. Постепенно холод стал прорастать в голени. Это не на шутку испугало парня. «Мать честная! – подумал он, лопааясь от страха. – Я же дохну...»

Вдруг чья-то ладонь, тёплая и лёгкая, как перо баб-Зининой подушки, подхватила Тимура и, надломив кромку образовавшегося вокруг тела ледка, вытащила из лужи.

«Ага, вот и они», – сладко подумал Тим, закрывая глаза.

– Не спи! – спасительная ладонь больно защемила седьмой шейный позвонок. – Слышишь, не спи!

Но Тим не слышал и не чувствовал уже ничего. Приятное гудение каких-то мембран наполняло его тело мягкими пеленами вялости и покоя. Он умирал.

Юноша не почувствовал ни перемену положения, ни то, что ледяная подстилка больше не морозит спину. Он действительно умирал. Умирал по-детски нежно и непринуждённо, отмирал, как стебелёк ещё молодого листочка, пробитый внезапным мартовским морозом.

¹ Прозвище Лионеля Мэсси – «атомная блоха».

– Ти-им, ты слышишь меня? Ты слышишь меня, Ти-им? – выкрикивал небольшой, одетый во всё белое человечек с огромными перистыми крыльями, растущими прямо из спины, минуя лопаточные кости и прочие необходимые для взмаха анатомические сочленения.

В нарастающей глухоте прошло несколько бесконечных минут. Вдруг Тимур услышал голос своего визави. Услышал отчётливо и громко, будто над его головой кто-то распахнул плотный двухкамерный «велюкс».

– А-ах, как здорово! – улыбнулся юноша, открывая глаза.

Птичья разноголосица, рокот самолётных турбин и шорохи трущихся друг о друга облаков устремились в его слуховые отверстия.

Однако то, что он увидел перед собой, его немало озадачило. Совсем рядом (вернее, прямо над ним) какой-то пацан с крыльями теребил мёртвое худощавое тело. Он нещадно бил покойника ладонями по синим ввалившимся щекам, упирался кулаками в грудь и вминал свои маленькие острые молотилки в бездыханную грудную клетку. Крылатый пацан повторял эти жуткие упражнения со строгой периодичностью, будто копировал самого себя.

Слоба «периодичность» Тим, конечно, не знал, но помнил, как дёргалась секундная стрелка в баб-Зинином будильнике. И это очень походило на то, что выделял белокурый садист с безжизненным телом какого-то молодого чёла.

Затем перистый умник стал набирать в лёгкие воздух и выдыхать углекислый газ в рот мертвеца. «Блин! – оторопел Тим. – Это ж верный кирдык!..»

Он легко поднялся на ноги и хотел было сделать шаг, намереваясь отклонить крылатика от несчастного мертвеца, но оказалось, что жмурик лежит совсем рядом, прямо у него в ногах, и никуда спешить не надо.

И тут Тима прошиб внутренний озноб. «Ё-моё! – пискнул он так, будто внутри него лязгнула сорвавшаяся с петель дверца. – Мертвяк-то вроде я...»

Наделённый от природы полным отсутствием ума и сообразительности, Тим никаким образом не мог разобраться в случившемся. Теряя то и дело нить рассуждения, бедняга в конце концов сконцентрировался на очевидном противоречии: он, Тимур, – вот он, тут. А этот мертвец, похожий на него, лежит, блин, там. И чё? Я-то где?..

Юношу покинула телесная лёгкость, дико разболелась голова, и в полный абсурд склинило затылок.

Тим тупо посмотрел на крылатого физкультурника и, указывая на труп, спросил:

– Он кто?

– Как кто? Ты, конечно, – ответил тот.

– Так я же вот он! – Тимур для убедительности расправил грудную клетку.

– Смотри сам, – «физкультурник» наклонил голову мертвеца в сторону собеседника, – Похож?

– Оба-на!..

Гость пропустил руку сквозь тело Тима, надломил тоненькую веточку на придорожном кусте жимолости и так же, сквозь потроха Тима, вернул руку обратно.

– Теперь понял?

Из глаз Тимура хлынули крупные слёзы. Он не чувствовал их теплоты и не ощущал на щеках скольжения влаги. Всё, что его связывало с жизнью, оказывается, было заключено не в нём, а в этом мёртвом существе, набитом остывающей глиной.

Тиму до колик захотелось вернуться в эту посиневшую трупную хрень. «Оживиться»! Да-да, оживиться во что бы то ни стало и ещё хоть немного почувствовать разлив праны по телесным кровотокам, полюбоваться перекатами лунной дорожки на мокром асфальте! И ещё Бог знает что пришло ему в голову в ту роковую секунду, когда он оказался между жизнью и смертью.

«Плаза, пла-а...» – горестно взывал Тим, теряя из виду последние следочки живительной веры.

Конечно, ни о каких пранах и лунных дорожках наш герой не имел ни малейшего понятия. Но ведь то, что отличает нас от зверя, наше образное мышление, – не алгебраическая сумма знаний, но, скорее, интуиция, мистика подсознания. В подсознании нет понятия «образованный человек», там приоритет совсем иных отношений. Поэтому необычные откровения Тимура – вовсе не плод авторской фантазии!

...Внезапно Тим ощутил прилив холодного и вязкого, как подтаявший айсберг, утробного адреналина. Неопределённая настойчивость, с которой адреналин расплзался по телу, походила на утробный рык случайно разбуженного зверя. Цепenea от ужаса, наш «герой» вслушивался в окрик пробуждающейся плоти. Он вдруг почувствовал первое крохотное напряжение собственной воли.

И тут его прорвало:

– Я хочу жить! Слышишь, ты, мёртвая сволочь? Верни мою жизнь, не будь падлой!.. – истово заверещал Тим, припадая к ухабам окостеневшей массы.

Крылатый вестник встал с колен, стряхнул налипшую на подкрылки мокрую изморозь и, глядя на Тимура, пытавшегося оживить самого себя, тихо произнёс:

– Я сделал всё, что мог. Дальше пусть решает Господь, Ему слава...

Ангел-хранитель отошёл чуть в сторону и, присев на краешек лунной дорожки, стал молча наблюдать за происходящим.

Он заметил, как дрогнули веки на безжизненном лице Тима, как едва приподнялась его плоская, подобная старому радиатору отопления, прокуренная и оттого неразвитая грудная клетка. «Видит ли он сам это?» – подумал ангел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.